

мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. М., 1994. С. 27, 29, 31–32, 36–37, 40, 42; Власова М. Новая абевера русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 308–309.

⁷⁷ Кришичная Н.А. Нить жизни... С. 6–7, 17.

N.A. K r i n i c h n a y a. At the Cross-roads: the myethodologem of Fate in the folkloristic and ethnographic interpretations

In Russian folklore the term «Cross-roads» has a meaning of «Fate». This symbol is connected with very archaic concepts of the interaction of the worlds, of Death and Birth, with animistic beliefs and a cult of ancestors.

© 1997 г., ЭО, № 3

Н.В. Шлыгина .

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Ингерманландией, или Ингрией, назывались в свое время земли, расположенные на южном побережье Финского залива от р. Нарвы на западе до р. Лавы на востоке, а также южная часть Карельского перешейка до р. Сестры.

Термин Ингерманландия впервые был употреблен в тексте мирного договора, подписанного между Россией и Швецией в 1617 г. в Столбове. Он представлял собой германизованную форму финского наименования этих земель – *Инкеримаа*, что соответствовало русскому названию *Ижорская земля*, связанному с р. Ижорой (по-фински – *Инкери*).

Правда, территория, отошедшая по Столбовскому мирному договору Швеции, была шире, чем область, называвшаяся в свое время Ижорской землей. Примерно через сто лет эта территория была возвращена России, что было подтверждено Ништадским мирным договором 1721 г. За период между двумя договорами произошли существенные изменения в этническом составе этого края.

Древнейшим известным нам населением этих мест была водь, по своему происхождению и языку близкая к североэстонским племенам. Среди археологов и лингвистов существует мнение, что разделение североэстонских и водских племен так же, как и выделение водского языка, произошло относительно поздно, в конце I тыс. н.э.¹. Правда, некоторые исследователи полагают, что это разделение состоялось в более ранний период².

Археологические материалы позволяют считать, что первоначально водь была расселена весьма широко, занимая земли Восточного Причудья, Принаровье и более восточные районы, включая Ижорское плато. Центром ее расселения было, возможно, Копорье³.

В русских летописях водь называлась вожанами, а также чудью. Последний термин имел, правда, судя по всему, собирательное значение, и его относили к разным племенам прибалтийско-финской языковой группы, в частности к эстонцам и вепсам. Характерно, однако, что по отношению к воде он удерживался довольно стойко: П. Кёппен при составлении в середине прошлого века этнической карты Петербургской губернии, употребляя этноним водь, писал в скобках «чудья».

В русских летописях водь впервые упоминается под 1069 г.; позже, в «Уставе о мостях» князя Ярослава, названа и Вотская (Вочская) земля. Существование Вотской земли было известно и за пределами славянского мира. В частности, она упоминается в

папских буллах XII–XIII вв. как Ватланд, Ватландия (в связи с намерениями обратить живущих там язычников («пагани») в римско-католическую веру).

Второй древней группой местного населения была ижора. Предполагается, что это была ветвь южнокарельских племен, занимавшая первоначально земли южного Приладожья и, вероятно, территорию по обе стороны р. Невы. Затем какая-то часть этих племен осела в окрестностях р. Ижоры, с которой, видимо, и связано их позднейшее наименование, употреблявшееся как в русских, так и в зарубежных источниках⁴. В последних встречаются термины Ингрия, Ингардия, как, например, в хронике Генриха Латвийского (первая половина XIII в.), где речь идет о военном походе в богатые земли на восток от р. Нарвы⁵. В русских летописях ижора начинает упоминаться с XII в. как сложившееся племенное объединение, явно известное славянам и ранее⁶.

Сами славяне, в первую очередь ильменские словене и кривичи, появляются в этих местах не позже IX в. (а по мнению некоторых археологов, и в более раннее время).

На этих землях быстро возникают крупные городские поселения, такие как Старая Ладога и Новгород, так как здесь проходили важные торговые пути, связывающие северо-западную Европу и Восток⁷.

Быстро выросший мощный Великий Новгород втянул в сферу своей экономической, культурной и политической жизни водские и ижорские племена. Правда, они, как свидетельствует летопись, иногда выступали и против его власти, но в основном хроники упоминают их как союзников новгородцев. Весьма существенно, что благодаря этим контактам вода и ижора, хотя и не без сопротивления, приняли христианство в его православной форме. Позже они достаточно твердо придерживались этой веры, сохраняя, однако, в своих культурно-бытовых традициях много языческих элементов.

То обстоятельство, что через земли южного побережья Финского залива шли важные торговые пути, вело к постоянным военным конфликтам между Новгородской республикой, а позднее Россией, со скандинавскими странами, в первую очередь со Швецией. Неоднократно пытались проникнуть сюда и немецкие рыцари после того, как они закрепились в Восточной Прибалтике, на территории современных Эстонии и Латвии⁸.

Территория южного побережья Финского залива веками служила театром военных действий. Массовая гибель местного населения происходила в результате как самих военных столкновений, так и следовавших за ними моровых поветрий и голодных лет. Известны и факты другого характера: например, немецкие войска под командованием Винке фон Оберберга после успешного набега на Ингрию в середине XV в. при отходе угнали с собой большую группу пленных из числа прилужской води. Пленные были затем расселены на территории современной Латвии, в окрестностях Бауска, где их называли крвингами (от слова криевс – русский), так как они были православными⁹.

Крвинги не были полностью ассимилированы латышами еще и в середине XIX в. Это свидетельствует о том, что численность этой группы первоначально была достаточно велика¹⁰.

Но еще более на судьбах местного населения и на его этническом составе сказались последовавшие затем войны со Швецией.

Западная граница Новгородских (позднее Российских) владений неоднократно менялась, причем в XIV–XVI вв. шло постепенное сокращение сферы влияния Новгорода. Так, при подписании в 1323 г. Ореховецкого мира за новгородцами сохранялось право пользоваться промысловыми угодьями только в северной части Финляндии (тогда входившей в состав Швеции). По договору западная часть Карельского перешейка отошла Швеции, и можно полагать, что уже в это время происходило, хотя и незначительное, переселение финского населения на территорию Ингрии¹¹.

Наиболее существенную роль в изменении этнического состава Ингрии сыграл Столбовский мир 1617 г., обернувшийся настоящей трагедией для местного населения: Россия была вынуждена уступить шведам все земли южного побережья Финского залива, а также полностью Карельский перешеек и северное Приладожье.

Ко времени подписания Столбовского мира территория отошедшей к Швеции Ингерманландии была сильно опустошена, сотнями насчитывались не только опустевшие дворы, но и целые деревни. Первоначально после подписания мира сюда стали возвращаться некоторые из жителей, бежавших от военных действий. Затем появились и новопоселенцы – финны, преимущественно из восточных районов Финляндии¹². Финские переселенцы получали от правительства некоторые льготы – освобождение от уплаты налогов на первые годы, а главное – освобождение от воинской повинности. Первоначально число переселенцев было невелико. Но после того, как королева Кристина начала быстро раздавать ингерские земли в частное владение, уже сами помещики стали активно заботиться об обеспечении своих земель рабочими руками. В середине XVII в. лютеранское население, то есть переселенцы из Финляндии, составляло уже 35% местных жителей¹³.

Условия Столбовского мира гарантировали коренным жителям края сохранение их прежней веры – православия. Однако это обещание осталось только на бумаге. Густав II Адольф был ярким приверженцем протестантизма и твердо стоял на позиции «одно государство – одна вера». На территории Ингрии стали быстро организовывать сеть лютеранских приходов, а местному населению разъясняли, что нет никакой разницы в том, какую церковь посещать – «русскую» или «шведскую». По отношению к тем, кто продолжал придерживаться православия, применялись различные санкции экономического и социального характера, а православные церкви постепенно закрывались. В этой сложной военно-политической обстановке середины XVII в. Россия попыталась предпринять военный поход на ингерманландские земли с целью вернуть их под свою власть¹⁴. Окончился он неудачно для России, ее войска отступили, а вместе с ними массами уходило и православное население. Исход из Ингрии православного населения, как русского, так и финноязычного – карел, води и ижоры – продолжался и в дальнейшем. В итоге, по подсчетам исследователей, на территории Ингерманландии к концу XVII в. оставалось около 25% коренных жителей¹⁵. Их и во второй половине XVII в. насильственно обращали в лютеранство. После того, как земли Ингерманландии вновь были возвращены под власть России (1721 г.), многие вернулись к православной вере. Кроме того, определенная часть беженцев возвратилась на старые места обитания, увеличив численность православных.

Однако за время господства Швеции в Ингрии осела значительная группа финского населения. В конце XVII в. здесь жило свыше 31 тыс. финнов, и в то время они составляли большинство жителей края (свыше 70%)¹⁶. Но такая ситуация сохранялась недолго: соотношение численного состава различных этнических групп на территории Ингрии стало быстро меняться после ее возвращения под власть России. Не останавливаясь на этом процессе подробнее, напомним, что, хотя по переписи, проведенной в 1897 г., численность финнов в абсолютных цифрах и была достаточно велика – около 120 тыс. человек, но они составляли всего лишь 12% жителей Петербургской губернии; концентрировалось финское население преимущественно на Карельском перешейке, а также в Царскосельском и Петергофском уездах.

Ижоры в это время насчитывалось примерно 21 тысяча, в этой переписью не была учтена, однако, можно думать, что ее было уже менее тех 5 тысяч, которые были учтены П. Кёппеном в середине XIX в.¹⁷ Основную же часть населения Петербургской губернии в конце XIX в. составляли русские*.

Из-за сложного состава населения Ингерманландия была и остается краем в высшей степени интересным для этнографического изучения. С одной стороны, все ее население было связано между собой многовековым проживанием на сравнительно небольшой и густозаселенной территории, с другой стороны, между отдельными его группами существовали различные барьеры – языковые, разделяющие славянское и финноязычное население, и конфессиональные, которые не всегда совпадали с язы-

*Мы не затрагиваем те группы финноязычного населения, которые жили в восточных частях Петербургской губернии, за пределами Ингрии, а также относительно поздних эстонских переселенцев.

ковыми: финноязычные воедь и ижора, как и русские, принадлежали к православной церкви, а местные финны – к лютеранской.

Эта сложная сеть языковых и конфессиональных барьеров по-разному влияла на межэтнические контакты в различные эпохи. Изучение развития этих взаимодействий в ходе времени представляет одну из задач этнологов. Интересные результаты дали исследования, которые проводились до настоящего времени. Они позволяют проследивать факторы, определяющие развитие этих контактов, что, в свою очередь, имеет общетеоретическое значение.

Следует отметить, что по этнической культуре местного финноязычного населения, как водского и ижорского, так и финского, мы располагаем достаточно богатыми материалами. Правда, сбор их в прошлом происходил недостаточно систематично, в них есть и существенные временные пробелы, но в целом они охватывают период почти в два столетия.

В сборе этих материалов немалую роль сыграло основание в Петербурге Российской Академии наук. Деятельность ее членов и лиц, связанных с академическими кругами, способствовала пробуждению интереса к финноязычному населению северо-западного края и самой Санкт-Петербургской губернии. Посвященные этим вопросам работы появились уже в конце XVIII в. Достаточно назвать путевые заметки И.Г. Георги, его знаменитое описание всех народов России, а также работу о Петербурге и его окрестностях¹⁸. Тогда же было написано сочинение Ф. Туманского о населении Петербургской губернии (1789–1790 гг.), которое, правда, в те времена не было опубликовано, но, к счастью, сохранилось до наших дней в рукописном виде¹⁹.

Нельзя не отметить заслуг в сборе материалов о местном населении многих лютеранских пасторов, служивших в этом крае. В частности, нарвский пастор Ф.Л. Трефурт «открыл» воедь и опубликовал о ней статьи в 1783 и 1785 гг. Л.А. Цетреус, пастор в Славянке, еще в студенческие годы собирал сведения о воеди по поручению Х.Г. Портана, крупнейшего финляндского историка того времени. Они были опубликованы в 1802 г. К концу XVIII в. относятся наблюдения о воеди И. Шёнберга, пастора из Молосковиц. Известия о финноязычном населении в окрестностях Дудургофа собирал кистер И. Талус. Некоторые его материалы позднее были использованы А.И. Шёгреном. Этот перечень можно было бы продолжить²⁰.

Работа ряда финляндских исследователей, занимавшихся финноязычным населением Ингрии, была связана с Петербургской академией. Это относится, в частности, к уже упомянутому Шёгреному, который несколько раз побывал в разных местностях этого края и выпустил работу «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия» (1833 г.)²¹. Кроме того, он побывал в Латвии, чтобы ознакомиться с уже упоминавшейся нами этнической группой кривингов.

Другой крупный ученый, М. Кастрен, также проводивший свои исследования в тесном контакте с Петербургской академией, не занимался, правда, непосредственно Ингрией, но оставил заметки об ингерманландских финнах, переселившихся в Сибирь²².

Интерес финляндских ученых к Ингрии, правда, преимущественно лингвистов и фольклористов, не ослабел и в середине XIX в. В этот период в Ингрии побывали Э. Лённрот, А. Алквист, известный, в частности, тем, что составил грамматику водского языка, и Д.Е. Европеус; на рубеже XIX–XX вв. здесь работали Э. Сетяля, С. Паулахарью, В. Алава, Ю. Луккаринен и другие.

Особо следует выделить российского статистика и этнографа П. Кёппена, подготовившего в середине прошлого века карту расселения этнических групп в Петербургской губернии и ряд объяснительных записок к ней²³. Его деятельность была связана как с Академией наук, так и с Русским Географическим обществом.

В послереволюционный период, в 1920-е – 1930-е годы в Ленинградской области работали преимущественно ленинградские исследователи – Н.И. Гаген-Торн, Р. Габе, Н.Ф. Прыткова, Д.А. Золотарев, М.Д. Торэн и др.

Во второй половине XX в. среди водского и ижорского населения собирали материалы карельские и эстонские лингвисты и фольклористы, а также этнографы (с ними активно сотрудничала и автор настоящей статьи).

В данном случае мы не ставили себе задачу оценить и проанализировать проведенные в Ингрии исследования и собранные материалы, а попытались лишь показать хронологическую широту этих работ. Можно утверждать, что собранные материалы в значительной части остаются и до сего дня недостаточно разработанными. А между тем они могут быть гораздо шире использованы для изучения истории традиционной культуры и межэтнических контактов местного населения.

Примером тому служит уже проведенный анализ сведений об одежде местного финноязычного населения: она достаточно хорошо изучена и в ее развитии выявлены определенные закономерности.

Интересен тот факт, что и на ранних известных нам этапах развития одежды води и ижоры она претерпевала существенные изменения и испытывала внешние воздействия, исходившие даже из удаленных регионов. Так, еще И. Маннинен обращал внимание на то, что ряд аналогов в головных уборах и украшениях водского и ижорского населения и народов Поволжья не восходит к каким-либо древним общим пластам культуры, а датируется относительно поздним периодом. Он полагал, что связи с Поволжьем были нарушены с продвижением на север славянского племени и заимствования из Поволжья должны были предшествовать этому времени. Однако, как показали позднейшие исследования, эти связи продолжались и позже, в золотоордынский период, когда в одежде финноязычного населения Ингрии появились украшения из раковин каури, стали носить специфические шейные украшения, серьги в форме вопросительного знака – элементы, проникшие сюда с востока²⁴.

На одежду води продолжались воздействия и с запада. Так, известно, что в архаический комплекс водской одежды конца XVIII – начала XIX в. входила своеобразная короткая кофта-рукавник (*ihad*). Исследования приводят к выводу, что этот элемент одежды был заимствован населением северной Эстонии из Швеции, затем постепенно продвинулся на восток, включая водские районы Ингрии и заселенные финнами острова Финского залива²⁵.

Интересно, что в одежде води и ижоры заимствований у местного русского населения до середины XIX в. почти не отмечается. Со середины XIX в. начинается довольно быстрый, хотя и через некоторые промежуточные формы, переход к одежде русского типа – косоклинному сарафану с рубахой. Правда, при этом сохраняется определенное своеобразие в украшениях и головных уборах.

В целом, не останавливаясь на деталях, можно констатировать, что одежда води и ижоры, с одной стороны, свидетельствует о том, что даже в период натурального хозяйства она не была стабильной и претерпевала существенные изменения. Это показывает, что расхожая точка зрения об устойчивости форм одежды крестьянского населения в условиях натурального хозяйства достаточно условна²⁶. С другой стороны, подтверждается и общее положение, что развитие товарного хозяйства ведет к существенным изменениям в костюме. В этих районах Петербургской губернии было особенно ощутимо развитие в пореформенный период отхода сельского населения на заработки в города – причем на работу в Петербург, Кронштадт, в Нарву шли не только мужчины, но и женщины. Они нанимались в прислуги, на ткацкие фабрики и т.д. Таким образом, развитие городского влияния на одежду быстро стало ощутимым. Однако в данном случае быстрые перемены в одежде были связаны не только с развитием социально-экономических отношений в деревне, но и с определенными процессами ассимилятивного характера, так как переходу к городским формам одежды предшествовало восприятие русского костюма. Это свидетельствовало о том, что в сознании водского и ижорского населения старые формы народной одежды утратили свою значимость в аспекте этнической идентификации.

Несколько иной характер имели изменения в одежде местного финского населения, происходившие в конце прошлого века. Известно, что две этнографические группы

переселенцев из Финляндии на территорию Ингрии вышли в основном из восточных районов страны и были близки по своим говорам и традициям. Однако они веками сохраняли представление о своей принадлежности к разным этнографическим группам – эврмейсет и савакот – и в известной мере противопоставляли себя друг другу. Одним из признаков их этнической принадлежности были существенные различия в одежде. Однако в конце XIX в. неожиданно для работающих здесь исследователей стал происходить быстрый переход финнов-эврмейсет на те формы одежды, которые носили савакот²⁷. Здесь сыграли свою роль, видимо, несколько обстоятельств. Во-первых, на самосознание местного финского населения не могли не влиять те процессы национальной консолидации, которые происходили в то время в Финляндии. Они в какой-то мере отразились и на росте представления савакот и эврмейсет о своей этнической сопринадлежности. Наряду с этим, вероятно, имело значение и то, что в одежде савакот было больше модернизированных форм, близких к городским, в ней в большей степени использовались фабричные ткани, чем в костюмах эврмейсет.

Характерно, что русские формы одежды у местного финского населения не получили распространения, если исключить отдельные дошедшие до нас сведения о ношении сарафанов финками в западной части Ингрии.

Таким образом, на материалах по одежде этого небольшого региона (даже при кратком и схематическом изложении данных) возможен анализ местных культурных контактов с соседними и отдаленными народами и факторов, влиявших на отход от традиционных форм костюма.

Не менее интересно и результативно рассмотрение некоторых сторон духовной культуры местного финноязычного населения, например, свадебной обрядности. Оно позволяет выявить закономерности ее развития не только в Ингрии, но и более широко – в рамках прибалтийско-финских народов в целом.

Проведенные в последние десятилетия исследования свадебной обрядности у этих народов учеными России, Финляндии, в известной мере и Эстонии, дали, благодаря новым аспектам анализа, интересные результаты²⁸. Прежде всего весьма наглядно выступила общая закономерность в развитии ритуалов крестьянской свадьбы и их символика.

Архаические формы свадебного обряда, что можно проследить практически у всех прибалтийско-финских народов, характеризовались прежде всего ритуалами, символизирующими заключение союза двух родов – рода жениха и рода невесты. Наряду с этим цикл ритуалов отражал переход девушки из рода отца в род мужа: она выходила из-под охраны духов-покровителей отцовского рода и должна была снискать расположение духов в усадьбе мужа – тех, что охраняли очаг, домашний скот и т.д. Это достигалось раздачей многочисленных даров, которые должны были способствовать благожелательному приему молодой в новый род. Символическим обрядом, означавшим переход девушки в разряд замужних женщин, было надевание ей головного убора, соответствующего ее новому статусу. Стоит оговорить, что формы этого ритуала так же, как время и место его проведения, у разных финноязычных народов и в разные временные периоды были различны.

В ходе времени в свадебной обрядности появлялись различные новшества, нередко связанные с церковным влиянием, постепенно менялась и ее символика. Наиболее развитыми в этом плане были формы свадьбы, сложившиеся в конце прошлого века в Западной Финляндии. Ее ритуалы уже не были связаны со введением молодой в род мужа, а должны были подчеркнуть образование новой отдельной и самостоятельной семьи – ячейки деревенского коллектива. Новые обряды символизировали выход девушки из круга ее незамужних подруг, жениха – из компании холостой молодежи. Характерен был один из заключительных моментов свадьбы, когда молодоженов поднимали в воздух, приветствуя как «молодых хозяина и хозяйку».

Исследователями отмечено, что сложение новых форм свадьбы на западе страны было обусловлено не только внешними (в основном, шведскими) и городскими влияниями, но и более интенсивным социально-экономическим развитием этого района.

Сформировавшаяся там состоятельная крестьянская верхушка переходила к новым формам обрядности и нормам общественного поведения. В то же время местная беднота и батраки стали вообще отказываться от проведения свадебных торжеств, ограничиваясь скромным праздником в день оглашения бракосочетания в церкви. В восточных же частях Финляндии и у ингерманландских финнов так же, как и у малых финноязычных народов Ингрии, свадебный обряд продолжал сохранять в целом эгалитарный характер²⁹.

Анализ свадебной обрядности, проведенный в сравнительном плане, позволяет выявить различные факторы, обусловившие этноспецифические черты обрядности у отдельных народов прибалтийско-финских языковых групп.

Во многих случаях различия были результатом сохранности каких-то архаических черт свадебного ритуала, которые другими народами были уже утрачены. Примером может служить длительно сохранявшаяся у води традиция обрезать девушке при выходе замуж волосы (или даже брить голову). В прошлом такая традиция имела гораздо более широкое распространение, во всяком случае память о ней сохранилась в некоторых местностях Эстонии³⁰. Какие-то отличительные черты у разных прибалтийско-финских народов возникли под влиянием соседних иноэтничных групп населения. Так, ритуальное выпекание свадебных караваев у води и ижоры, не входящее в ритуал других финноязычных народов региона, было, очевидно, заимствованием у славянского населения, о чем свидетельствуют и их названия – курсси у води и куппели – у ижоры. Можно полагать, что это было древнее заимствование: выпекание караваев сопровождалось оригинальными обрядовыми песнями; кроме того, у местного русского населения этот ритуал из свадебной обрядности исчез³¹.

На возникновение отличий в ритуалах разных прибалтийско-финских народов существенное влияние оказывала церковь. Различия в восприятии этих воздействий были связаны не только с принадлежностью к лютеранской или православной церкви, но часто отличались и в различных местностях в рамках одной конфессии³².

Широта материалов, которыми располагают исследователи, позволяет выявить и древние, общие для прибалтийско-финских народов черты свадебного ритуала. Это убедительно показано в исследовании И. Талвэ «От невестки к молодке: структура свадебного ритуала у прибалтийско-финских народов»³³. Наиболее существенными в древних традициях этих народов были те черты, которые отличали их от западноевропейской обрядности. Там для юридического признания брака необходимо было, чтобы молодые при свидетелях разделили брачное ложе. У прибалтийско-финских народов девушка становилась женой де юре в тот момент, когда ей надевали головной убор замужней женщины. Особенностью у этих народов было также и то, что девушка называлась невестой (*morsian*) с момента сговора и именовалась так и после свадьбы, вплоть до рождения первого ребенка. Лишь после этого ее именовали уже «молодкой» (*puogikko*). Только тогда она обретала положение члена семьи мужа де факто³⁴.

Закljučая эту тему, еще раз подчеркнем, что реконструкция старых пластов культуры и истории ее развития у прибалтийско-финских народов была бы гораздо более трудной, а в иных случаях, вероятно, и невозможной, без тех материалов, которые нам предоставляют именно данные о малых финноязычных народах Ингрии.

К сожалению, мы не имеем до сих пор ни в российской, ни в зарубежной науке капитальных работ, посвященных народам этого края, истории их этнических культур и взаимовлияний, насчитывающих немало веков.

Правда, довольно обширно количество статей, освещающих те или иные вопросы культуры отдельных народов. Можно также назвать несколько работ, посвященных води в целом, например, книгу «Водь», выпущенную в свое время Г. Рянком, хотя она не отражает всей совокупности данных, которыми наука располагает на сегодняшний день. Нельзя не упомянуть и две работы П. Аристэ – «Водский народный календарь» и «Вожанин от колыбели до кладбища»³⁵. Интересен небольшой, но содержательный труд С. Халтсонена «О старой Ингрии»³⁶. Нельзя не оговорить, что в финляндской

литературе, особенно этнографической, ижора часто вообще не рассматривается как отдельный народ. Некоторые исследователи считают ее лишь ветвью карел, которых в свою очередь иногда не отделяют от восточных финнов. Об ижоре, например, нет раздела в капитальной работе 1930-х годов «Финский род», отсутствует он и в работе Т. Вуорела «Народы финского племени», выпущенной в 1960-х годах³⁷. Правда, И. Маннинен в своей книге, посвященной этнографии финноязычных народов, выделяет ижору как особый народ³⁸. Российские и эстонские этнографы и лингвисты не разделяют мнения о том, что карелы и ижора суть один этнос.

Мы не останавливаемся на статьях о води и ижоре, опубликованных на русском языке, – их не так много, и они достаточно известны нашим специалистам. Но нельзя не отметить, что перед русским населением Ингрии, которое с давних пор составляло основную массу местного населения, наука явно остается в большом долгу. Правда, в наши дни определенная работа по изучению культуры местного русского населения ведется специалистами Петербурга, но при весьма ограниченных кадровых и материальных возможностях. В 1992 г. была выпущена под редакцией К.В. Чистова книга «Мы живем на одной земле»³⁹. Она содержит очерки по культуре всех этнических групп, проживающих в Ленинградской области, включая и ее восточную часть, которая не входила в состав старой Ингрии, где существуют поселения вепсов и карел. В книге есть соответственно и раздел, посвященный местному русскому населению. Однако ни объем этой работы, ни ее ориентация на широкие круги читателей не позволяли авторам в достаточной мере отразить историю формирования русского населения и всего своеобразия его культуры.

Все вышеизложенное касается проблем историко-культурного аспекта исследований, и мы попытались показать, как много нужно еще сделать в плане изучения культуры различных этнических групп местного населения и истории их взаимных контактов. Однако этим не исчерпываются задачи этнологов. Сегодняшний день требует особого внимания к современному положению всех народов России, в том числе и к малым финноязычным народам, расселенным на территории Ленинградской области.

Тенденция к восстановлению и развитию этнической культуры, несомненно, затронула и местное финноязычное население, и в частности ту его часть, которая жила на территории древней Ингрии.

Известно, что в этом крае сильно изменилась демографическая ситуация по сравнению с довоенным периодом. Численность финноязычного населения значительно сократилась. В известной мере это происходило в процессе естественной ассимиляции части местного финноязычного населения русскими, но в значительной степени было следствием насильственной депортации, которая больше всего затронула ингерманландских финнов.

Водь просто исчезла из послевоенных переписей, что было не так уж и неожиданно, если учесть, что в 1920-е годы ее насчитывалось лишь около 700 человек⁴⁰. В 1950–1960-е годы водским языком хорошо владело чуть более двух десятков человек, хотя о своем происхождении знало значительно большее число. Малая численность водского населения вела к значительному проценту смешанных браков. Кроме того, православие вызывало у води представление об их сопринадлежности с русскими. Интересно, что один из опрашиваемых в свое время сказал, что вожане и есть «настоящие русские»: они, мол, и при советской власти икон не снимали в отличие от местного русского населения.

В известной мере это положение касается и ижоры. Однако сомнительно, что ее численность, которая была около 14 тыс. человек перед началом войны, действительно сократилась до четырехсот человек, как это отразилось в переписи 1989 г.

Автор настоящей статьи, работая в водско-ижорских районах в 1950–1960-е годы, встречал еще женщин, практически не говорящих по-русски. На Сойкинском полуострове и в нижнелужских деревнях ижорскую речь можно было слышать постоянно. Но наряду с этим на вопрос об их этнической принадлежности опрашиваемые часто отвечали: «Мы – русские, только язык у нас другой».

Разумеется, ассимиляция ижоры в послевоенный период шла быстро, чему способствовали многие факторы: значительный отлив молодежи в города, переход и в быту на русский язык вследствие того, что он был языком школьного обучения, стремление подчеркнуть, что ижорцы – это не финны, которые были репрессированы.

Правда, по свидетельству петербургских специалистов, работающих в наши дни среди водского и ижорского населения, у обоих народов наблюдается определенное оживление этнического самосознания. Можно ожидать, что при очередной переписи (если она будет проводиться достаточно квалифицированно!) численность ижоры окажется заметно выше, чем в 1959 г.

Не подлежит сомнению, что для реального ознакомления с современной этнокультурной ситуацией водского и ижорского населения, выяснения уровня их этнического самосознания в наши дни необходима широкая и систематическая полевая работа в этом регионе.

Гораздо сложнее обстоит дело с местным финским населением, на судьбах которого жестоко отразились акции, проведенные по отношению к нему в военные годы. Из-за быстрого развития военных действий в Ленинградской области большая часть населения северо-западных и северных районов не была эвакуирована и осталась на оккупированной земле. Из восточной части области и из самого Ленинграда весной 1942 г. местное финское население (и немецкое также) было по приказу советских властей вывезено на места принудительного поселения в Сибирь. Только в 1954 г. ингерманландские финны получили право свободного передвижения, но возвращению их на прежние места жительства чинилось много препятствий.

Не лучшая доля выпала и тем, кто оказался на оккупированной территории Ленинградской области. По соглашению между оккупационными властями Германии и выступавшей в военном блоке с ней Финляндией местные финны могли оттуда добровольно выехать в Финляндию. Реально эта акция начала проводиться лишь в 1943 г. Однако, вследствие быстрого отступления немцев на этом участке фронта, характер ее изменился: осуществлялась тактика оставления «выжженной земли». Немцы гнали на запад все население, вне зависимости от его национальной принадлежности и желания. За отказ от ухода расстреливали. Русские должны были идти по территории Эстонии на юг Прибалтики, финнов вывозили в карантинные лагеря в Финляндию, водь и ижора могли выбирать один из этих вариантов. В 1944 г., после заключения перемирия между Советским Союзом и Финляндией, началось возвращение в Союз его граждан, оказавшихся на территории Финляндии⁴¹. За рубежом остался лишь небольшой процент ингерманландских финнов: частью – в самой Финляндии, часть их переселилась в Швецию.

Те же, а это было свыше 60 тыс. человек, кто вернулся на родину, были насильственно расселены в разных частях страны – от Калининской и Ярославской областей до Сибири.

С течением времени, получив возможность свободно передвигаться по стране, часть финнов все же вернулась на территорию Ленинградской области и в Ленинград. Но примерно одна треть их – 16,6 тыс. – поселилась в Эстонии, примерно столько же в Карелии. В наше время большая часть ингерманландских финнов стала городским населением: по переписи 1989 г. в пределах России из общего числа финнов горожане составляли 72%, в Эстонии – 67%⁴².

В настоящее время одна треть российских финнов оказалась за рубежом – в Эстонии, и, очевидно, их дальнейшие судьбы будут развиваться своим путем. Не подлежит сомнению, что современная этнокультурная ситуация у финнов, живущих в Карелии, и тех, кто живет в Ленинградской области, также различна. Правда, после того как российские финны на основании закона 1991 г. были причислены к насильственно депортированным и получившим реабилитацию народам, среди них повсеместно началось движение за свое национальное возрождение и развитие национальной культуры. Возникли Ингерские или Ингерманландские Союзы, начали осуществляться мероприятия по возрождению финского языка. А утрачен он был к

1989 г. уже в весьма сильной степени. Согласно переписи в качестве родного финский язык назвали только 23 тыс. человек, в то время как 37 тыс. человек считали родным русским⁴³.

Естественно, что знание финского языка было лучшим у лиц старшего поколения и у финнов, живущих в Карелии, где финский язык – наряду с русским – был и остается вторым официальным языком. В Карелии все время издавалась и литература на финском языке, работал финский театр и т.д.; в наши дни роль финского языка там стала еще более значительной.

За пределами Карелии восстановление национальной культуры, в том числе знания финского языка, осуществлять сложнее, хотя определенные шаги в этом плане были сделаны как общественностью, так и по линии Министерства образования РСФСР. Немалую помощь в этом деле оказала Финляндия, направляя преподавателей финского языка, посылая учебную литературу и т.д. Нельзя при этом не отметить и роли лютеранско-евангелистической ингерманландской церкви, которая ведет миссионерскую работу среди финского населения. Уже действует ее семинария в Колтушах на Карельском перешейке, восстанавливается сеть лютеранских приходов в местах современного расселения российских финнов.

Все эти процессы, несомненно, не должны выпадать из поля деятельности этнологов. При этом необходимо вести и серьезное изучение того традиционного культурного наследия, которое сохранилось в памяти ингерманландских финнов.

Известный финский фольклорист Л. Хонко в статье о современных проблемах изучения Ингрии отмечает, в частности, что в отрыве от родных мест различные элементы фольклорного наследия имеют разную степень сохранности. Уже в 1957 г., работая среди ингерманландских переселенцев в Швеции, он обнаружил, что они хорошо помнят поговорки, сказки, предания, но народный календарь уже забывают, как и знания о духах-хранителях – халтийат, которые были связаны с крестьянским бытом и двором и которым не было места в индустриальном окружении. Но Л. Хонко выражает твердое убеждение, что изучение той культуры, которая живет в воспоминаниях, которую человек несет с собой в чужие края, представляет существенный интерес. Подлежит изучению и тот ее аспект, который финляндские этнологи любят определять как «встречу культур» – то есть тот опыт восприятия и отношения к культуре окружающего населения, с которым финны-переселенцы столкнулись в новых местах своего обитания⁴⁴.

Не подлежит сомнению, что весьма важным как для современной практической деятельности по развитию культурного наследия, так и для возможности определенного прогнозирования ее направленности следует хорошо знать устремления самих представителей этой этнической группы на уровне широких слоев населения. Очень существенным представляется проведение опроса с целью изучения современного характера взаимоотношений между различными этническими группами населения, особенно в сельской местности Ленинградской области, в связи с тем, что в наши дни происходит, хотя и медленное и пока численно незначительное, возвращение ингерманландских финнов на прежние места обитания. Их контакты с местным православным населением и ранее были достаточно сложными, но тем не менее устоявшимися в ходе веков. В настоящее же время контакты должны налаживаться заново, тем более что и русское население в этом крае за послевоенный период сильно изменилось.

Таким образом, не подлежит сомнению, что изучение современной этнокультурной ситуации на территории рассматриваемой части Ленинградской области требует большой полевой работы, которую следует проводить, координируя усилия российских и финских специалистов.

Примечания

- ¹ *Аристэ П.А.* Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 21; *Моора Х.А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Там же. С. 106. 124; *Laanest A.* Sissejuhatus läänemere-soome keeltesse. Tallinn, 1975. Lk. 21.
- ² *Рябинин Е.А.* Водь // Природа. 1992. №3. С. 80–82; *Моора Х.А., Моора А.Х.* Из этнической истории воды и ижоры // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965. Lk. 63.
- ³ *Рябинин Е.А.* Указ. раб. С. 79–80; *Сакса А.* Из истории древнего населения области по данным археологии // Мы живем на одной земле. СПб., 1992. С. 63.
- ⁴ *Рябинин Е.А.* Ижора // Природа. 1992. № 9. С. 83–84; *Honko L.* Geisterglaube in Ingermanland // Folklor Fellows Communications. № 185. Helsinki, 1962. S. 25. Karte 2 (S 27).
- ⁵ *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 222; *Лаанест А.* Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.
- ⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 65; см. также: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели земли русской». М.; Л., 1965.
- ⁷ *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978; *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Jutikkala T.* Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 68 jf.
- ⁸ *Пауто В.Т.* Указ. раб. С. 291–297; *Kirkinen H.* Inkeri juurtuu itään // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1991. S. 39.
- ⁹ *Rank G.* Vajalajaiset // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimetuksia (далее – SKST). № 267. Helsinki, 1960.
- ¹⁰ Ср. *Manninen I.* Kreevini rahvariit ja selle etnograafiline sugulus // Eesti Rahva muuseumi aastaraamat. V. I. Tartu, 1925. Lk. 128 jf.
- ¹¹ *Kuujo E.* Inkerin suomalaisatutuksen synnystä 1600-luvulla // Kalevalaseuran Vuosikirja (далее – KV). 69/70 (Helsinki, 1990). S. 135–136.
- ¹² *Saloheimo V.* Itäisen Inkerin väestomuutoksia Ruotsin vallan alusaa // KV 69/70. S. 143–144.
- ¹³ *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä // Tietolipas 36. Helsinki, 1965. S. 26; *Kuujo E.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁴ *Haltsonen S.* Op. cit. P. 30; *Jutikkala E.* Op. cit. P. 127–128, 138.
- ¹⁵ *Kuujo E.* Op. cit. P. 140.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ *Köppen P.* Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Peterburger Gouvernements. S.Pb., 1867.
- ¹⁸ *Georgi J.G.* Russland. Beschreibung aller Nationen der russischen Reiches, ihrer Lebensart, Religion, Gebrauche, Wohnungen, Kleidungen und ubrigen Merkwürdigkeiten. Bd. I. Leipzig, 1783; idem. Versuch einer Beschreibung der Russisch Kayserlichen Residenzstadt St.-Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. SPb., 1790.
- ¹⁹ См.: *Õpik E.* Vadjalaistest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn, 1970. Lk. 8.
- ²⁰ Подробнее см. библиографию: *Inkerin bibliografia.* Helsinki, 1981.
- ²¹ *Sjögren A.J.* Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber Ursprung des Namens Ingermanland. SPb., 1833.
- ²² *Castrén M.A.* Nagra upplusingar om de till Sibirien deportade Finname. Helsingfors, 1870.
- ²³ Подробнее см. *Haltsonen S.* Op. cit. P. 113–115.
- ²⁴ Ср. *Haltsonen S.* Peter von Köppen suomalais-ugrilaiisten kansojen tutkijana // SKST № 145. Helsinki, 1968. S. 28–32.
- ²⁵ *Седов В.В.* Этнический состав северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. № XVIII. 1955; *Шлыгина Н.В.* Архаические формы женской одежды воды и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; *Õpik E.* Op. cit. P. 39–41, 123–126.
- ²⁶ *Шлыгина Н.В.* Указ. раб. С. 217; *Schlygina N.W.* Zum Problem der Bestandigkeit der Volkstrachten (auf der Grundlage von Materialien über die Woten und Ishoren) // Физическая антропология и традиционная культура финно-угорских народов. М., 1991.
- ²⁷ Финское Литературное общество. Архив, раздел «Е» (этнография), Е-73 записки А. Халтсонена из Хиегтамяки, 1910 г.; записки Ю. Луккаринена от 1910 г. о Тюре (Стрельна); фонд KJ-49, записки Э. Песонен о Токсове.
- ²⁸ Подробнее см. *Шлыгина Н.В.* Свадебная обрядность у прибалтийско-финских народов. Стадиальная и этническая специфика // Сов. этнография. 1991. № 2.
- ²⁹ *Sarmela M.* Suomalaiset haat // Pohjolan haat. Vaasa, 1981.
- ³⁰ *Manninen I.* Eesti rahvariite ajalugu // Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat, III. Tartu, 1927. Lk. 13 jj.
- ³¹ *Шлыгина Н.В.* Водская свадьба // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 268; *ее же.* Свадебная обрядность... С. 110.

- 32 *Heikinmaki M.-L.* Die finnischen Hochzeitzeremonien und die Gebiete der Hochzeitssitten // *Ethnologia Scandinavica*. 1981.
- 33 *Talve I.* Morsiamesta nuorokoksi: häiden rakenne itämeresuomalaisilla // *Scripta Ethnologica*. № 37 (1987).
- 34 *Talve I.* Op. cit. P. 142, 159–160.
- 35 *Ränk G.* Op. cit.; *Ariste P.* Vadjja rahvakalender. Tallinn, 1969; *idem.* Vadjjalane katkist kalmuni. Tallinn, 1974.
- 36 *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä.
- 37 Suomen suku. Т. III. Helsinki, 1934; *Vuorela T.* Suomensukuiset kansat. Helsinki, 1960.
- 38 *Manninen I.* Suomensukuiset kansat. Porvoo, 1929.
- 39 Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области. СПб., 1992.
- 40 *Янсон П.М.* Национальные меньшинства Ленинградской области, Л., 1929; *Tsvetkov D.* Vadjjalased // Eesti keel. Т. IV (1925).
- 41 См. *Nevalainen P.* Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990.
- 42 Национальный состав населения СССР (по данным переписи 1989). М., 1991. С. 7.
- 43 Там же.
- 44 *Honko L.* Inkerin tutkimus tienhaarassa // KV 69/70 (1990).

N.V. Shlygin a. Ingermanland: the problems of ethnographic research

The author believes that the ethnic history of Ingermanland has not yet been analysed appropriately. This concerns both forming of the ethnic composition of the population of this region, and traditional culture of the local Finn-Speaking and Slav groups. The modern situation, including the problems of those Ingermanland Finns, who were interned in 1930–1940's and rehabilitated later, must be also under the consideration of the researchers.

© 1997 г., ЭО, № 3

И.П. Глушкова

О КНИГЕ Э. ФЕЛДХАУС «ВОДА И ЖЕНСКОЕ ЕСТЕСТВО. РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕК МАХАРАШТРЫ»*

С незапамятных времен индийские реки находились в фокусе религиозного внимания. Еще в гимнах Ригведы воспевалась река Сарасвати, обладавшая в те доисторические времена титулом великой и впоследствии сгинувшая где-то на просторах Курукшетры – поля, на котором состоялась великая индийская битва между кауравами и пандавами. Эпоха пуран принесла возвышение Ганге (именно Ганге, т.е. реке-женщине, а не Гангу, как ошибочно закрепилось в русском языке со странной при заимствовании мутацией рода, а следовательно, и пола). До сегодняшнего дня Ганга – суперсвященная река Индии – на всем протяжении от верховий в Гималаях до устья у Бенгальского залива собирает сотни тысяч паломников, связанных с рекой, словно пуповиной, жизненно важными обрядами, ритуалами и поверьями. Священны и другие реки Индии.

Религиозное поведение в отношении рек Махараштры – огромного региона в Западной Индии, – а также обратное воздействие рек на жизнедеятельность и менталитет человека стали основной темой недавно вышедшей монографии «Вода и женское естество. Религиозное значение рек Махараштры», написанной Энн Фелдхаус, профессором сравнительного религиоведения Аризонского государственного универ-

* Редакция журнала и переводчик благодарят издательство «Oxford University Press» за разрешение перевести и опубликовать первую главу книги *Feldhaus A.* Water and Womanhood. Religious Meanings of Rivers in Maharashtra. New York; Oxford. 1995. 250 p. По согласованию с автором глава печатается с некоторыми сокращениями.